

Современные проблемы народного участия в правосудии

Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства в период судебной реформы вновь актуализировали проблему участия представителей общества в отправлении правосудия — одну из самых древних и самых обсуждаемых в теории и практике уголовного судопроизводства в течение последних трех столетий¹. Система аргументации в спорах по поводу разных правовых форм народного участия в правосудии² за это время давно сложилась³, одни и те же аргументы на разных витках истории многократно повторялись, столько же раз опровергались повторяющимися контраргументами, но после этого заявлялись вновь под видом «новых».

Вокруг правовых форм народного участия в правосудии веками сформировался своеобразный дискуссионный фон, к которому в той или иной мере прислушивались законодатели разных стран, иногда меняя эти формы, но, как правило, не отказываясь от народного участия как такового. Однако внимательный анализ содержания этих дискуссий дает, на наш взгляд, основания и для другого вывода: при всем разнообразии аргументов, самые радикальные из них сводились вовсе не к противопоставлению разных форм народного участия в правосудии, а к утверждению либо отрицанию самой принципиальной возможности и необходимости доверять непрофессионалам решение главного вопроса уголовного процесса — о виновности либо невиновности подсудимого. Особо воинственный настрой против суда присяжных (в сравнении с критикой «шеффенского правосудия») объясняется именно этим: в суде присяжных непрофессионалы обладают большей свободой волеизъявления при принятии юридически значимого решения. Не будет преувеличением сказать, что противники суда присяжных, по сути, требуют устранения из правосудия непрофессионального элемента, хотя прямо об этом мало кто из них говорит, не решаясь опровергать положение ч.5 ст.32 Конституции России о праве граждан на участие в отправлении правосудия.

В современных условиях четкого ответа требует именно этот, более масштабный вопрос: необходимо ли вообще участие непро-

фессионалов в отправлении правосудия, а уж затем можно решать, в каких правовых формах это участие должно быть реализовано. Тот или иной ответ на первый вопрос в значительной мере определяет позицию по второму вопросу.

На конституционном уровне, как отмечалось, вопрос о народном участии в российском правосудии решен однозначно, хотя заметим, что в Конституции ничего не сказано о масштабах такого участия, позволяющих считать, что соответствующее конституционное право в стране действительно реализуется. Развитие этого конституционного положения на уровне отраслевого законодательства осуществлялось весьма противоречиво, что отчасти объяснялось отсутствием стабильного концептуального подхода к решению проблемы народного участия в правосудии.

Одобрив в 1991 году (то есть еще до принятия Конституции 1993 г.) Концепцию судебной реформы, Верховный Совет РСФСР фактически согласился с одним из ее положений о том, что «институт народных заседателей в достаточной мере продемонстрировал свою несостоятельность, чтобы возвращаться к его критике еще раз⁴». Тогда решение о ликвидации этого института отнюдь не свидетельствовало о намерении реформаторов устранить из правосудия непрофессиональный элемент. Напротив, в Концепции была предусмотрена адекватная и более совершенная (по мнению авторов Концепции) замена — возможность для обвиняемого требовать рассмотрения судом присяжных любого уголовного дела о преступлении, за которое может быть назначено наказание, превышающее один год лишения свободы⁵. Масштабы введения суда присяжных выделялись авторам Концепции беспрецедентными: на уровне не только областных, но и районных судов, и не только по уголовным делам, но и по гражданским. В случае реализации этого подхода любые споры о народном участии в правосудии можно было бы считать беспредметными.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что, замахнувшись на максимальное вовлечение представителей общества в отправлении правосудия, современное российское государство оказалось неспособным обеспечить его даже в тех масштабах, которые были характерны для советского периода. Законодатель, оценив колоссальные трудности введения суда присяжных на всей территории России даже для минимального количества уголовных дел, предусмотренных в ст.20 Конституции РФ (об особо тяжких преступлениях против жизни)⁶, решает сохранить отвергнутый в Концепции судебной реформы институт народных заседателей. Именно поэтому в

декабре 1996 г. в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» институт народных заседателей закрепляется как такой же неотъемлемый компонент правосудия, как и суд присяжных, а в декабре 1999 г. Федеральным законом «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» определяется порядок функционирования этого института в уголовном и гражданском судопроизводстве.

С этого момента новой правовой реальностью становится параллельное существование институтов народных заседателей и суда присяжных в единой судебной системе. Последнее явно вступало в противоречие с положениями Концепции судебной реформы, но возражений у юридической общественности не вызвало и способствовало оживлению научных исследований по проблемам народного участия в правосудии, связанных с применением законодательных новелл⁷.

В июне 2001 года Государственная Дума ФС РФ исключила институт народных заседателей из проекта УПК РФ, принятого во втором чтении⁸, но при этом существенно сузила возможность использования суда присяжных в сравнении с Концепцией судебной реформы: право обвиняемого ходатайствовать об этом предусмотрено в проекте только по делам, подсудным судам областного звена⁹. В результате народный элемент был «выплеснут» из подавляющего большинства российских судов — судов районного звена. Одновременно законодатель предусмотрел безальтернативный единоличный порядок рассмотрения уголовного дела о любом преступлении, за которое может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы, что не могло не вызвать негативной реакции. По результатам третьего чтения (22 ноября 2001 г.) в п.3 ч.2 ст.30 УПК РФ было закреплено право обвиняемого ходатайствовать о рассмотрении дела о тяжком или особо тяжком преступлении коллегией профессиональных судей в судах районного и областного уровней, что не расширило народного участия в правосудии, но потребовало многократного увеличения штатов профессиональных федеральных судей. На этот счет в ст.7 ФЗ «О введении в действие УПК РФ» была сделана специальная оговорка: до 1 января 2003 г. дела, подсудные коллегиям из трех профессиональных судей, подлежали единоличному рассмотрению.

Еще до вступления в действие нового УПК РФ, а именно 26 апреля 2002 г., законодатель внес изменения в последнюю из названных норм, сохранив институт народных заседателей до 1 января 2004 года. По всему видно, что законодатель относится к институту народных заседателей как к временной и вынужденной мере, обеспе-

чивающей коллегиальное рассмотрение дел о тяжких преступлениях, до тех пор, пока в стране не будет достаточного количества профессиональных судей. Заметим при этом, что возможность использования суда присяжных сохраняется в действующем УПК на прежнем уровне (дела областной подсудности). Современная ситуация такова: не считая необходимым расширить масштабы народного участия в правосудии, законодатель вынужден это делать по организационным и финансовым причинам, считая соответствующие меры временными. Учитывая ограниченные возможности суда присяжных (причем не только в силу законодательных рамок, но и объективно¹⁰), полагаем, что современный российский законодатель в целом не дал положительного ответа на вопрос о необходимости народного участия в правосудии. Такой подход представляется политически ошибочным, что требует вновь вернуться к старой дискуссии.

Дореволюционные русские юристы в своем подавляющем большинстве неизменно включали правило о народном участии в правосудии в число основных начал уголовного судопроизводства¹¹, а С.И.Викторский подчеркивал, что участие в нем народного элемента необходимо для того, «чтобы в стране действительно было правосудие, а не одно производство судебных дел¹²».

В главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» отсутствует правило о народном участии, что дает основания считать, что современный российский законодатель не относит его к числу основных начал уголовного процесса. Среди юристов-профессионалов представители общества в правосудии воспринимаются по-разному: от легкой иронии до резкого неприятия. Данные социально-психологической науки, социологические исследования, да и просто здравый смысл дают основания предположить негативное отношение любого профессионала к попыткам непрофессионального вмешательства в его работу. Опрос судей, следователей и прокуроров позволяет выявить три наиболее характерных варианта такого отношения: 1) категоричное отрицание необходимости участия «общественности» в правосудии: юридическая материя сложна даже для профессионалов, зачем же допускать к ней непосвященных, тем более, что это требует больших организационных и финансовых затрат (32% опрошенных, ответивших на этот вопрос); 2) от народного представительства в суде одни проблемы (организационные и финансовые), но это определенная законом данность, с которой придется смириться, поскольку закон надо исполнять (54%); 3) народные представители в суде нужны, поскольку они иногда (или часто) помогают профессиональному судье разобраться в деле и правильно

его разрешить, но для этого необходима специальная юридическая подготовка непрофессионального судьи (11%).

Все три варианта притом, что они отражают разные позиции, основаны на непонимании истинного смысла участия непрофессионала в отправлении правосудия. Думается, можно констатировать, что в целом профессиональному судье непрофессионал в соседнем судейском кресле, в принципе, не нужен. Даже третья позиция общей картины не меняет: за непрофессионалом не признается собственной, самостоятельной роли в правосудии, отличной от роли судьи-юриста.

Негативное отношение судьи-профессионала к непрофессиональному элементу в правосудии и очень похожее отношение к этому прокуроров, следователей и многих адвокатов необходимо принять как данность. Венгерский исследователь 1980-х годов А. Тамаш верно подметил: «Судебная организация никогда не требовала участия судьи-неспециалиста, то есть участия элемента непосвященности, в вынесении решения. Не аппарат нуждается во внешних элементах, а общество¹²». Отвечая положительно на вопрос о необходимости народного участия в правосудии, следует абстрагироваться от массового неприятия профессионалами этого участия, априори отвергнув любые их аргументы, основанные на том, что не юрист не может судить о сложной юридической материи, не обладая для этого специальной юридической подготовкой.

Советский опыт привлечения к правосудию народных заседателей неоднозначен. В основе решения этой проблемы была впечатляющая своей откровенностью ленинская идея: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся¹⁴». Результат — двоякий: с одной стороны, массовые политические репрессии с широким народным участием, с другой стороны — очевидное преодоление разрыва между правосудием и населением страны. Если первое — мрачная страница нашей относительно недавней истории, то второе — это идеал, к которому стремится любое гражданское общество и любое правовое государство. Сегодня можно спорить о социально-психологической природе единения правосудия и общества в советские годы, объяснять его идеологическими мистификациями и массовым заблуждением. Но отрицать сам факт такого единения невозможно.

Зарубежный опыт не менее противоречив: споры, как отмечалось, ведутся столетиями, народным представителям присваиваются оскорбительные прозвища¹⁵, но без народного участия, судя по мно-

гим исследованиям, обходятся лишь единичные страны (в литературе называют Японию, Аргентину и Доминиканскую Республику), которые можно считать исключением из общего правила¹⁶. Отказ от народного представительства в правосудии отдельные авторы советского периода почему-то приписывали так называемым «империалистическим» государствам, хотя реальных оснований для таких оценок не было¹⁷.

Противники суда присяжных иногда в качестве аргумента используют то обстоятельство, что в США, например, реально суд присяжных действует по ограниченному и постоянно сокращающемуся количеству уголовных дел¹⁸. Это действительно так, но нельзя не отметить, что американцы редко обращаются к суду присяжных при практически неограниченной потенциальной возможности такого обращения (по всем делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание, превышающее один год лишения свободы). Судя по этому факту, граждане США доверяют своему профессиональному судебскому корпусу. Доверяют ли российские граждане своим профессиональным судьям в той же степени? Отрицательный ответ на этот вопрос в современной России не нуждается в отдельном обосновании: пороки российского правосудия широко обсуждаются в средствах массовой информации и на трибунах властных структур¹⁹.

Народное участие «очеловечивает» правосудие, превращает его из обычной государственной (в смысле — чиновничьей) службы в важную общественную функцию. Не останавливаясь на анализе многих аргументов, высказанных в литературе в пользу «совокупного потенциала здравого смысла», совести, общественной нравственности, житейской мудрости, а также по поводу неизбежного повышения качества работы профессионалов, вынужденных «оттачивать» собственную правовую позицию по делу с тем, чтобы убедить непрофессионала в надежности ее аргументации и т.д., подчеркнем здесь лишь одну деталь.

Народное участие в правосудии — лучший способ массового правового просвещения, столь недостающего нашей стране: в дореволюционной литературе считалось общепризнанным, что присяжные, возвращаясь в свои села, несут туда и увиденные ими образцы правовой культуры²⁰. Однако помимо просветительской здесь решается и другая важнейшая социальная задача — преодоление отчуждения между правосудием и населением. Чем больше непрофессиональных участников правосудия видят реальную работу судей, прокуроров, адвокатов, тем меньше шансов для массового распростра-

нения известных «мифов» обыденного сознания о клановости и продажности правосудия. В этих условиях правосудие предельно персонифицируется, приобретает лицо конкретных его представителей, так или иначе оцениваемых столь же конкретными людьми. В этих условиях и правосудие вынуждено «подтягиваться» до уровня народных ожиданий.

Резюмируя сказанное, констатируем, что современному российскому правосудию участие непрофессионалов необходимо не менее, чем высокий уровень профессионального мастерства судей, прокуроров и адвокатов. Иной вопрос — о формах такого участия.

Две традиционные формы народного участия — суд присяжных и суд шеффенов (ассизов, народных заседателей) различаются по многим критериям²¹, касающимся, в частности, отбора или избрания судебных заседателей обоих типов, их количества в коллегии, назначения их судебскими полномочиями на одно уголовное дело или на неопределенное количество дел в определенный срок, возможности либо невозможности апелляционного пересмотра решений и т.д. Но при всех вариантах законодательного решения этих вопросов принципиальные различия между судом присяжных и судом шеффенов определились в истории достаточно четко: *в первом* — коллегия присяжных принимает самостоятельное немотивированное и в большинстве случаев обязательное для председательствующего профессионального судьи решение по вопросу о виновности, либо невиновности подсудимого (вердикт²²); *во втором* — заседатели-непрофессионалы в единой коллегии с профессиональным судьей принимают общее мотивированное решение по всем вопросам, подлежащим разрешению по данному уголовному делу. Здесь заметим, что термин «присяжные» (то есть производное от слова «присяга», например, «Schwur» в немецком языке) в некоторых странах (например, Германия и Франция) используется и для обозначения классического шеффенского суда, что нередко влечет терминологическую путаницу в переводной литературе.

В мировой судебной практике разные государства выбирали собственные варианты народного участия в правосудии. Так, например, в США всегда использовался только классический суд присяжных, альтернативой которому было единоличное рассмотрение дела судьей-профессионалом. Германия в середине XIX века первоначально заимствовала суд присяжных из Франции (которая, в свою очередь, скопировала его из Англии), но затем — в 1870-е годы ввела параллельно с ним суд шеффенов, который в начале XX века и вовсе вытеснил суд присяжных, оставив от него лишь название.

Вопрос о правовых формах народного участия в правосудии по-разному решался и в российской истории.

В пореформенном русском уголовном процессе на уровне окружных судов дела рассматривались с участием присяжных заседателей. Однако И.Я.Фойницкий, С.В.Познышев и другие говорили о целесообразности введения российского подобия шеффенского суда по менее сложным (нежели для суда присяжных) категориям уголовных дел с обязательной возможностью проверки соответствующих судебных решений коллегиями профессиональных судей в апелляционном порядке²¹. Заметим, что проблема широкого народного участия в правосудии помимо суда присяжных решалась в дореволюционной России, во-первых, судом сословных представителей, а во вторых — мировыми судьями, которые в значительной своей части не были юристами-профессионалами и в лице которых «судебные уставы желали дать местному населению не столько юристов-специалистов, сколько лиц, к которым оно могло бы обращаться как к авторитетным посредникам своих мелких споров²²».

С приходом советской власти институты суда присяжных, суда сословных представителей и мировых судей были глобально заменены на институты народных судей (к ним, как и к мировым судьям до революции, вплоть до 1980-х годов не предъявлялось официального требования о юридическом образовании) и народных заседателей, которые первоначально отбирались по избирательным спискам, а затем — избирались указанными в законе социальными группами.

Опрос бывших народных заседателей советского периода показал, что для большинства из них участие в судах было сопряжено с осознанием собственной значимости для избравшего их коллектива и причастности к важному государственному делу. Примечательно, что и судьи с опытом работы в 1960-е — 1970-е годы вспоминают о прежних народных заседателях, как минимум, без характерного для настоящего времени пренебрежения²³, а нередко — и с искренней благодарностью за совместную работу. «Старые» народные заседатели уберегли от лишения свободы не одного «несуна», самогонщика, бытового хулигана, спекулянта, частного предпринимателя, оступившегося подростка, исходя из житейского понимания ситуации, ставшей предметом судебного разбирательства. Но главное было в том, что между правосудием и населением страны в эти годы отсутствовала роковая «пропасть отчуждения», столь характерная, к сожалению, для периода реформ. Есть основания утверждать, что в советский период российской истории народный элемент в правосудии действительно работал на те цели, которые ставило перед пра-

восудием государство, а кроме того — стереотипы массового сознания о глобальной коррумпированности правосудия и его несправедливости не имели столь широкого распространения, как сейчас.

Кризис института народных заседателей к концу 1980-х годов стал очевидным, отрицать его означало бы грешить против истины. В полной мере осознавая и причины самодискредитации этого института, и его пагубные последствия²⁶, нельзя не обратить внимание на то, что кризис этого института был лишь частью общего кризиса советской судебной системы. Если судебную систему мы сегодня пытаемся реформировать, почему мы должны считать, что не все ее элементы в принципе поддаются реформированию?

Сказанное дает, на наш взгляд, основания для вывода о допустимости и целесообразности использования в современном российском уголовном судопроизводстве обеих форм народного участия для разных категорий уголовных дел: сохраняя потенциальную возможность суда присяжных по всем делам областной подсудности, в судах районного звена «шеффенские» коллегии могли бы сыграть роль альтернативы как единоличному рассмотрению дела, так и коллегии профессиональных судей (по выбору обвиняемого).

Единственное, что следует признать абсолютно неприемлемым, — это предложения некоторых авторов под видом оптимизации суда присяжных и приспособления его к нуждам российской действительности объединить признаки суда присяжных и суда шеффенов в некоем патологическом гибриде: ввести присяжных заседателей в единую коллегию с профессиональным судьей для совместного решения вопросов факта и права²⁷. На самом деле речь в таких предложениях идет вовсе не об оптимизации, а исключительно о ликвидации суда присяжных как такового: только процессуальную деятельность двух независимых друг от друга носителей судебной власти (профессионального — по вопросу права и непрофессионального — по вопросу факта) можно считать собственно судом присяжных. Любые другие варианты — это не суд присяжных.

Примечания

¹ Точнее — с момента появления в Англии XVII века суда присяжных, время существования которого обычно отсчитывают с 1679 года, когда был принят знаменитый Habeas Corpus Act. В новейших исследованиях высказаны иные суждения относительно времени и места появления этой формы судопроизводства (См.: Корнеева И.В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С.13-14). Не считая необходимым вла-

ваться в эту дискуссию в рамках настоящей статьи, останемся на традиционных позициях.

¹ Споры по поводу суда присяжных всегда отличались острым эмоциональным накалом (См., например: Карнозова Л.М. О суде присяжных (психологические аспекты реформирования) // Становление судебной власти в обновляющейся России. М.: ИГПРАН, 1997. С.30; Судебная реформа: Юридический профессионализм и проблемы юридического образования: Дискуссии. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. С.296-299).

² Наиболее полный перечень аргументов «за» и «против» суда присяжных приводился С.В.Познышевым в 1913 году в его «Элементарном учебнике русского уголовного процесса» (М., 1913. С.118-123), и сколько-нибудь существенных «новостей» в освещении этой проблематики до сих пор практически не было.

³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Под ред. Б.А.Золотухина. М.: ЗАО «Редакция газеты «Демократический выбор», 2001. С.65.

⁴ Там же. С.69.

⁵ Официальная оценка законодателем этих трудностей содержится в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 24 декабря 1998 г. № 569-СФ «О парламентских слушаниях «О ходе реализации концептуальных положений судебной реформы в Российской Федерации» // Рос.юстиция. 1999. №2. С.8-10.

⁶ См., например: Ветрова Г.Н. Нужны ли правосудию народные представители? // Государство и право на рубеже веков (Материалы всероссийской конференции). М.: ИГП РАН, 2000. С.191-197; Радутная Н.В. Формирование состава народных заседателей // Рос. юстиция. 2000. №4. С.14-16.

⁷ Примечательно, что еще на апрель 2001 года, когда автору довелось участвовать в рабочей группе по подготовке законопроекта ко второму чтению, вопрос о ликвидации института народных заседателей официально не ставился.

⁸ В качестве главного аргумента по этому поводу на втором чтении по проекту УПК в Государственной Думе РФ профигурировало то соображение, что дела с участием народных заседателей все равно рассматриваются как бы единолично профессиональными судьями (См.: Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 20 июня 2001 г. // <http://www.mizulina.ru:8100/docs/stenogr200601.doc>. от 20 июня 2001 г. С.34).

⁹ Ограниченные возможности суда присяжных — проблема интернациональная и вневременная (Подробнее об этом см.: Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: Правовые и социально-психологические проблемы. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С.263-264).

¹⁰ Д.Г.Тальберг, например, считал, что это положение вообще не вызывает споров (См.: Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889. Т.1. С.22,47,63).

¹² С.И.Викторский обоснованно выделял участие народного элемента в уголовном суде как такое начало уголовного процесса, которое обеспечивает реализацию всех других его основных начал (См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс: Учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С.39).

¹³ Тамаш А. Судья и общество. М.: Юридлит., 1980.С.80-81.

¹⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.36. С.53.

¹⁵ Например, немецкие «Beischläfer», то есть «спящий при ком-либо, рядом с кем-либо») и «Jasager» — то есть «говорящий “да”», или русское — «кивала».

¹⁶ См.: Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. М.: НОРМА, 2000. С.44, 197-198, 823-824.

¹⁷ См.: Аврах Я.С. Участие народных заседателей в осуществлении правосудия по уголовным делам. Дис. ... д-ра юрид. наук, М.: МГУ, 1960. С.205.

¹⁸ См., например: Ржевский В.А., Челурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юрист, 1998. С.206.

¹⁹ См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 24 декабря 1998 г. №569-СФ «О парламентских слушаниях «О ходе реализации концептуальных положений судебной реформы в Российской Федерации» // Рос.юстиция. 1999. №2. С.8-10; Пастухов В. Что людям не нравится в российском правосудии // Рос.юстиция. 1998. №8. С.22-23; Вобликов В.Н. Как заставить работать суд / Российская газета. 2000. 23 сентября; Портнов В. Мина для Фемиды, или как формируются кадры судейского корпуса / Российская газета. 2000. 25 ноября; Ямшанов Б. Наши судьи неподсудны. Но подкупны?// Рос. газета. 2001. 17 апреля и др.

²⁰ См., например: Познышев С.В. Указ.соч. С.123.

²¹ О критериях разграничения суда присяжных и суда шэффенов в их классических вариантах см.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т.1. С.134-135; Викторский С.И. Указ.соч. С.43 и др.

²² Слово «вердикт» (от латинского «vere dictum») буквально означает «правдиво сказано» и подлежит употреблению только для обозначения неотвратимых решений.

²³ Фойницкий И.Я. Указ.соч. Т.1. С.135, Познышев С.В. Указ.соч. С.118.

²⁴ Фойницкий И.Я. Указ.соч. Т.1. С.307.

²⁵ Пренебрежительный тон как в отношении самого института народных заседателей, так и в отношении любых попыток его сохранения в современных условиях особенно характерен для публикаций последних 10-15 лет (См., например: Бозров В. «Удар милосердия» по институту народных заседателей // Рос.юстиция. 2002. №9. С.46).

²⁶ Столь непопулярный сегодня вывод о необходимости сохранения института народных заседателей в современной России сделан автором на основе детального анализа как самих этих кризисных процессов, так и их оценок научными и практическими работниками. Подробнее об этом см.: Тарасов А.А. Указ.соч. С.267-269.

²⁷ См.: Ржевский В.А., Челурнова Н.М. Указ.соч. С.213, Корнеева И.В. Указ.соч. С.10.